

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
3-53

Серия «Коллекция. Военная фантастика»

Оформление обложки *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

**3-53 Земляной, Андрей Борисович;
Орлов, Борис Львович**

Сын Сталина: Рокировка. Сын Сталина. Джокер Сталина: сборник / Андрей Земляной, Борис Орлов. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2019. — 800 с. — (Коллекция. Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-115389-2

Погибнуть с честью, исполняя свой долг, это иногда не конец, а лишь начало новой реальности. Реальности, в которой мир избежал схватки Германии и СССР.

Но те, кто оплатил Вторую мировую войну, не успокоятся. Десятки тайных операций по всему миру расставляют новые фигуры на глобальной доске, а приёмный сын Сталина творит свою историю. Историю, где существование США не предполагается.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-115389-2

© Андрей Земляной, 2019
© Борис Орлов, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Рокировка

1

— *И-и, твою!* — Человек на экране передвижного командного пункта двигался неторопливо, словно прогуливался, но бесстрастные датчики уже засекли на его теле два десятка килограммов тротила и электронное устройство, что означало кошмар средней тяжести, ибо машину, бронированную, словно танк, такой вот пояс шахида, конечно, не пробьёт, но дел наделает предостаточно.

Оператор командного центра уже бубнил в микрофон, стягивая к смертнику сотрудников, а руководитель «Заслона» нервно кусал губы, борясь с желанием лично двинуться на перехват прикурка со взрывчаткой.

— *Восьмой квадрат, пересечение Лиговского и Прилукской. Объект — мужчина сорока лет, высокий, в светло-синей куртке, за спиной чёрный рюкзак, штаны голубые. Перехват и уничтожение...*

— *Восемьдесят шесть принял...*

— *Девяносто третий принял...*

А пожилой мужчина, стоявший на углу возле магазина «Продукты», с улыбкой наблюдал за суетой, которой сопровождался визит «самого» в Ленинград, а ныне Санкт-Петербург. Многочисленная охрана и спецслужбы уже перекрыли проезд, выставили блокпосты и нагнали толпу полицейских.

Как раз парочка таких парней в чёрной форме, с тяжёлыми пластиковыми щитами и в глухих шлемах, стояли рядом и беседовали о чём-то своём.

Взгляд мужчины, скользнувший от милиционеров, вдруг упёрся в некоего гражданина небритой наружности, который неожиданно перешёл от неторопливой, фланирующей походки к упругому и быстрому шагу, а где-то на периферии зрения появилась пара парней в одинаковых плащах, двигавшихся на этого гражданина, словно ракеты с самонаведением.

Взгляд схватил всю картину целиком, а голова уже считала варианты, и когда из-за поворота появилась стайка школьников, спешащий небритый мужик выкрикнул: «Аллах акбар!» — тело, уже заряженное на движение, скользнуло вперёд.

Разогнанный боевым трансом, словно тень, пожилой проскочил между полицейских, выдернув щит из рук одного и отшвырнув, словно катапультной, второго, буквально смял шахида, накрыв его щитом и для верности распластавшись сверху, перекрыв путь осколкам собственным телом.

Удар — и жуткая, раздирающая сознание боль на мгновение вспыхнула в голове, и серая пелена спасительного забвения накрыла сознание...

Когда Александр очнулся, вокруг было тихо.

«Выжил, что ли?.. Да ну, нахрен!.. Не бывает такого...»

Он оглянулся, но кроме далёких серых стен и невысокой кушетки, на которой он лежал, вокруг было пусто.

Быстро осмотрев и оцупав себя, Александр сначала удивился тому, что нет даже царапин, а через секунду, задрвав рубашку, с изумлением наблюдал чистую кожу там, где был длинный шов от осколка, вспоровшего живот.

— Чудны дела Твои...

— Не следует упоминать это имя, — раздался глубокий бархатный голос. — И тем более — здесь и сейчас...

— Да?.. — вот и все, на что хватило Александра.

Мужчина, неведомым образом материализовавшийся в помещении, был одет в шёлковый летний костюм и лёгкие светло-коричневые туфли. Лицо гостя было тонким, благообразным и украшено небольшой серебряно-седой бородкой, словно у старого морского волка. Он сделал движение, словно начал опускаться на стул, и тут же под ним возникло кресло, с лёгким скрипом принявшее на себя вес посетителя.

— Ловко... — Александр оценил трюк гостя и улыбнулся.

— Да... — Мужчина внимательно посмотрел в глаза Александру и тоже улыбнулся в ответ, достал из воздуха красную сафьяновую папку и, открыв её, стал читать вслух: — Александр Ладыгин, шестьдесят восемь лет, полковник в отставке, подразделение специального назначения внешней разведки. Имеет правительственные награды, список прилагается... Ага. — Со-

беседник Александра сделал паузу, хмыкнул чему-то, покачал головой и продолжил: — Образование высшее, Московский институт нефти и газа, химик-технолог, окончил в восемьдесят девятом. С тысяча девятьсот девяносто первого года — в составе группы «А». В тысяча девятьсот девяносто пятом участвовал в освобождении заложников, захваченных в городе Будённовск. Лично спас четверых детей, получил осколочное ранение живота. Потом лечение, снова служба и несколько десятков убитых.

— Детей? — насмешливо спросил Александр.

— Нет, детьми убитые не были... — Седой покачал головой. — Мало того, убитые и людьми-то уже не были. Как-то так уж сложилось, что убивал ты оболочки, уже лишённые души. Так что греха на тебе нет. — Старик сделал движение, будто ставил папку на полку, и она исчезла. — Греха нет, а вот за пятнадцать спасённых детей да за многое другое положено райское блаженство, если это так можно назвать. Можешь отправляться хоть сейчас.

— Нимб дюбелями крепить будут? — Александр хмыкнул.

— Не будет никакого нимба. — Старик улыбнулся. — А будет дом на берегу моря, как ты и мечтал. Рядом дома таких же, как и ты, русских солдат. Женщины, дети, роскошные дороги и полный гараж разных машин. Пространство такое, что можно путешествовать вечно.

— Круто, конечно. — Александр кивнул. — Действительно рай. Но провести так вечность...

— Да, это проблема... — признал со вздохом старик. — Не любит ваше племя бездельничать. Всё норовите чего-нибудь учинить. Вечно вы что-то строите... или кого-то. Учите жить, правда, иногда — до смерти... А то еще задеретесь — только клочки по закоулочкам летят...

Перед глазами Александра вдруг появилось пламя, беззвучно встали столбы разрывов, какие-то темные фигуры бросились было к нему, но тут же начали падать сломанными куклами. Видно, где-то с кинжальной дистанции заработал пулемет...

Все исчезло, а перед ним снова оказался «старый морской волк», с интересом разглядывавший его.

— Вот, собственно, поэтому я к тебе и пришёл. Приходится пристраивать вас по разным временам и местам, надеясь, что второй раз вы влетите в чистилище или на переплавку, и это будет уже не моя проблема.

— А меня куда? — Александр встал с кушетки и подошёл ближе.

— Ну, варианты есть. — Седой неопределённо пошевелил пальцами. — А сам куда хочешь?

— Да чёрт его знает, — полковник покачал головой. — Моё время мне как-то тоже нравилось. Но вот Франция годов шестидесятых двадцатого века тоже ничего. Но за шестидесятыми ведь неизбежно будут девяностые, и далее без остановок. Так что тоже нет.

— Не буду врать, ты дважды, сам того не желая, спас узловые личности вашего пласта реальности. Так что у меня перед тобой должок. Хотя это никак и не приближает нас к решению твоей проблемы. А хочешь в тело маленького Петра Романова? Есть у меня такая линия. Не основная, конечно, но тоже активная. Будешь царём...

— Нет уж, благодарю, — Александр тихо рассмеялся, представив себя в тяжёлой шубе с короной на голове и топором в руках.

— А если в Германию? Адольфом Гитлером? Можешь все переменить, исправить, улучшить...

Александр непроизвольно передернул плечом:

— Да уж, перспективка... «Arbeitmachtfrei»¹ везде и повсюду. Нет уж, лучше тогда болото с женщинами, детьми и машинами...

Старик почесал бороду:

— Может быть, Степан Разин?

— И играть в водное поло персиянками?

— А султаном Великой Порты? — с надеждой поинтересовался седой. — Янычары, спаги, верные визири, наложницы...

— Рабы и сплошной поток ненависти... — продолжил Александр. — Но я хочу уточнить один момент. Вы сказали, что можно меня поместить или переместить... неважно. А вот как быть с моей памятью и памятью реципиента? Ведь если не будет чужой памяти, у меня сразу масса проблем, а если не будет моей — то это буду не я. Даже если урезать мою память, опыт и прочее, это опять-таки буду не совсем я. Может, это обсудим?

¹ «Труд освобождает» (*нем.*) — фраза в качестве лозунга была размещена на входе многих нацистских концентрационных лагерей Третьего рейха, например, Заксенхаузен, Терезин, Гросс-Розен, Освенцим.

— Да нечего тут обсуждать. — Старик отмахнулся. — Будет тебе память. В качестве моего личного расположения. Всё же ты мой человек, а не... оппонента. Ладно. — Он встал и насмешливо прищурился. — Раз ты выбирать не хочешь, значит, будет тебе мой приказ. Отправляйся, сынок, и не слишком там шали. А то знаешь... Ну в общем, разберёшься на месте. — С этими словами старик чуть шевельнул пальцами.

Александр что-то хотел сказать, но комната исчезла, скрывшись в чем-то зеленом, мутном и холодном. Сдавило грудную клетку, захотелось кричать...

...На попытку приоткрыть рот в горло хлынула вода, и Александр чуть не задохнулся, а дёрнув руками, понял, что те связаны за спиной.

Мгновенная паника была раздавлена в зародыше, и, извинаясь, словно червяк, он ринулся наверх, туда, где сверкало солнце.

Вынырнув на поверхность, он рывком развернулся, оглядываясь, и, поняв, что берег рядом, заработал ногами, толкая тело вперёд. Ноги почему-то быстро устали, но, преодолевая неспособность тела волевым импульсом, он буквально выдернул себя на берег, изогнулся, просовывая руки вперед, и, дрожа от спазма, охватившего всё тело, встал.

— Сашка!!!

Дикий вопль воткнулся в голову, словно шило, и Александр даже помотал головой от шока.

— Сашка! — по обрыву, осыпая песок, почти свалилась невысокая худая и угловатая девчонка, одетая в серое платье, и стала рвать веревки, которыми были связаны руки. — Я этих тварей ночью зарежу! Они у меня дерьмо будут жрать.

Память как-то лениво провернулась, и лицо девочки совместилось с именем.

— Лерочка? Откуда такое богатство гастрономических изысков?

— А кто же ещё! Говорила тебе, придурок, не ходи с Сявкой. Эти козлы вообще озверели.

— Сергей Гаршин... — произнёс Александр вслух то, что крутилось на языке. — Берега он вконец потерял, ну да я найти помогу...

— Ну, да я же и говорю Сявка-Параша. Гад! — Девочка наконец справилась с верёвкой и заглянула в лицо Александру. — Пойдём, тебе к доктору надо. Как выбрался-то?

— Выбрался, — Саша задумчиво растер сорванные в кровь запястья и внимательно осмотрел себя. Серые штаны из тяжёлой плотной ткани, с которых струями текла вода, такая же куртка и под ней рубашка неопрятного серого цвета. На шее мокрая красная тряпка — видимо, пионерский галстук, схваченный белёсым, потертым до латуни зажимом с изображённым на нём костром.

— Белов? — прозвучало откуда-то сверху.

Подняв голову, Александр увидел молодого горбоносого мужчину в таких же серых штанах, но в рубашке-косоворотке и небольшой тубетейке на голове.

— Почему ты мокрый?

— Это Гаршин с друзьями его связали и бросили в воду! — выкрикнула Лера и шагнула так, чтобы заслонить Александра.

— Вечно твои фантазии, Конева... — Мужчина нахмурился. — Пионеры не врут! А тебя уже сколько раз...

— Вы бы лучше приглядывали за своими урлоидами, товарищ Шпильрейн, — спокойно произнёс Ладыгин-Белов, которому тут же вспомнилась фамилия воспитателя, и мягко отстранил девочку, скользнув вперёд. — Сегодня я последний раз позволил этим мразям прикоснуться к себе. Ещё одна попытка — и будет четыре трупа. Доступно объяснил?

— Ты у меня, Белов, в домзак¹ улетишь, по статье «угроза убийством», — лениво произнёс воспитатель, оглядываясь кругом. — Этап, баланда, то-сё.

— Это будет потом, если будет... — Бывший полковник ощерился в волчьей усмешке. — А трупы будут сейчас. Трупы, расследование, неудобные вопросы: как это воспитатель, комсомолец допустил такое в порученной ему группе? И соответствующая запись в вашей биографии... хотя этим дело, я думаю, не ограничится. Так что баланда в домзаке — ваша перспектива, на сто процентов. Меня-то — в колонию, систему товарища Макаренко на практике изучать да фотоаппараты делать, а вот вас...

¹ Одно из милых проявлений «новояза» в 20–30-е годы в СССР. Слово «тюрьма» не применялось, так как считалось, что тюрьмы — принадлежность буржуазного строя, поэтому использовалось определение «дом заключения», сокращенно — «домзак».

Вас, товарищ Шпильрейн, энкавэдэ за такие художества точно прихватит, — Александр с усмешкой оглядел полноватую фигуру воспитателя. — Ваша-то задница для прихвата куда как удобнее...

Воспитатель побагровел, постоял какое-то время, сверкая глазами, но, не сказав ни слова, повернулся и ушёл.

— Странный ты какой-то, Белов. — Лера пристально посмотрела на друга. — Даже выражение лица какое-то...

— Какое? — машинально спросил Александр.

— Жёсткое. Словно у дяди Ляо, — девочка поправила волосы, сбившиеся на глаза.

— Ясно... — Александр начал стаскивать мокрую одежду и развешивать её на куст, росший у самого берега. — Спички есть?

— У тебя точно что-то с головой... — Лера нахмурилась. — Нет, конечно, и не было никогда.

— А зря, кстати, — Александр хмыкнул. — Полезнейшая вещь. И костёр разжечь, и пожар устроить... — Он зажал высушенные жарким весенним солнцем щепки в руках и начал быстро тереть друг об друга. Через пару минут из-под деревяшки потёк тонкий сизый дымок, а ещё через пять минут небольшой костерок уже весело хрустел валявшимися на берегу корягами.

— Ловко, — одобрительно оценила девочка розжиг костра. — Ты мне не говорил, что так умеешь.

Александр, лежавший на песке и незаметно ревизовавший организм, доставшийся ему от канувшего в пустоту Александра Белова, четырнадцати лет, сына антифашистов-спартаковцев, погибших в Германии, и принятого на попечение Советской республикой, лишь кивнул:

— Невелика наука.

— Слушай, давай я с девчонками договорюсь, у нас в корпусе переночуешь. А то эти ведь точно не успокоятся.

— Знаешь, почему нельзя бегать от снайпера?

— От кого?

— Ну... от меткого стрелка...

— Э-э... почему?

— Умрёшь уставшим, — лениво сказал Александр, переворачиваясь на живот. — Всё равно приползут. А прятаться у девчонок это как-то не комильфо.

— Не замечала я в тебе любви к французскому.

— Tout utilisé pour la première fois¹, — машинально ответил Александр и посмотрел на солнце. — Сегодня у нас...

— Двадцать седьмое мая.

— Двадцать седьмое... — Он кивнул. — Значит, ещё часов восемь светлого времени. Нормально. Всё высохнет через пару часов, и пойдём.

— На обед опоздаем.

— Добудем чего-нибудь на кухне, — отмахнулся Александр.

— Клавсанна будет ругаться...

Память настоящего Белова услужливо вызвала образ огромной женщины, саженного роста и гигантских форм, с ярким румяным лицом и мощными кулачищами. Она неплохо относилась к воспитанникам, но воровства на кухне не терпела, и многим, в том числе и Белову, не раз попадало мокрой тряпкой. Воспоминания об этой тряпке были особенно яркими...

— А мы ей не скажем... — Тут память подбросила новые воспоминания, и Сашка добавил: — Или выпросим чего-нибудь...

Результаты ревизии были не блестящими. Тело прошлый хозяин не то чтобы запустил. Нет, следы физподготовки явно наличествовали. Но вот с координацией всё было плохо. Хотя плохо это по меркам его *тогдашней* подготовки. Для этого времени, а год шёл... Трудно сказать, но... О! Вон на пляже плакат, с годом... Тридцать четвертый? Сойдет...

Так вот для этого времени Саша был развит очень даже прилично. Можно сказать даже, что не по годам развит. Стройный, жилистый и без капли жира под загорелой кожей. Впрочем, в эти времена толстые дети в Стране Советов были большой редкостью. Мускулы?.. Ну, в общем, имеются, но вот справится ли это тело с тремя-четырьмя противниками — ещё вопрос. Хотя...

Он задумался в поисках решения, и память мальчишки подсказала ему, что в детском доме была неплохая мастерская, за которой присматривал старый мастер, которого все называли Ляо. И там наверняка можно было раздобыть всё, что нужно, и даже сверху.

— Так и будем молчать? — подала голос девочка.

¹ Всё когда-то впервые (*фр.*).

— Есть предложения? — Александр, лежавший на мягком речном песке, повернулся в сторону Леры, внимательно окинул взглядом её по-детски нескладную фигуру и лицо, отметив про себя, что лет через десять девочка расцветёт и станет настоящей красавицей. Но чувств к ней не было вообще никаких. Даже спортивного интереса.

— Ну, раньше ты был как-то разговорчивее.

— Раньше не сейчас, — Александр вздохнул. — Но если тебе непременно нужно что-то говорить, можешь рассказать чего-нибудь.

— Нет, ты сегодня какой-то не такой, — Лера покачала головой. — Тебя по голове не били?

— Нет вроде, — Александр улыбнулся. — Чуть не притопили, как котёнка, а так — всё нормально. Ты давай, иди, а я позже подойду. Мне ещё подумать нужно. Кстати, можешь для меня порцию заначить, чтобы не пришлось устраивать экспроприацию на кухне и доводить Клавсанну до инфаркта.

— До швабры её скорее доведёшь! — Фыркнула девочка и поднялась на ноги. — Только не влипай никуда.

— Oui, mon general!¹ — Александр не вставая отсалютовал подруге и, дождавшись, когда она уйдёт, снова перевернулся на спину и закрыл глаза.

Старик не соврал, и память предыдущего владельца тела была в порядке, хотя и лишена всякой эмоциональной окраски.

Родители, выглядевшие словно на чёрно-белом снимке, их смерть от рук нацистов, о которой Белов узнал только от друзей семьи. Пароход до Ленинграда, и долгих пять лет бродяжничества по городам и весям России, всё выглядело достаточно подробно, но спокойно и бесцветно, будто перегоревший костёр.

Детский дом, в который попал Александр, находился на берегу Волги в старинной усадьбе, не сохранившей имён владельцев, а лишь затейливую монограмму на воротах. Зато сохранился большой парк с пересохшими ныне фонтанами, и пруд глубиной всего в метр.

Революция и гражданская война почти обошли стороной дворянское гнездо, и когда сюда пришли новые хозяева, почти

¹ Слушаюсь, мой генерал (*фр.*).